

Читайте мистические триллеры
Артура Гедена
в серии «Черные лебеди»:

Звездная карта царя Саула

Цикл «Лилит»

Лилит. Злое сердце куклы

Лилит. Огненная душа куклы

Лилит. Кукла из вечной тьмы

Артур Геденон

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28 Звездная карта царя Саула / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2024. —352 с.

ISBN 978-5-04-204049-8

Женские чары — сильнейшее оружие. Частный детектив Андрей Крымов пленяется красотой и обаянием юной Марии и обещает ей помощь и защиту. Как настоящий рыцарь, он сопровождает девушку в путешествии и оказывается в центре невероятной истории. Она связана с потомками могущественных существ, которые тысячи лет хранили некий артефакт, способный подарить человеку бессмертие. Однажды это уже случилось, и вот приходит время, когда чудо может свершиться вновь. Кто же получит заветный приз? Желających обрести вечную жизнь немало, и некоторые из них готовы на все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204049-8

© Гедеон А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

— Я вам расскажу одну занятную историю, уважаемый Андрей Петрович, — наполняя стопки крепкой сливовой настойкой, начал бойкий старичок Антон Антонович Долгополов. Как обычно, они сидели в его саду, под яблонями и вишнями, в самом начале осени, еще теплой, щедро напитанной уходящим летом. На старой скатерти — графин с чудесным напитком, кувшин с компотом из сухофруктов, яблоки в вазочке и свежий деревенский хлеб. Перед хозяином загородного домишка — старинная на вид книга, заложенная на середине листом бумаги. — Это именно история, потому что имеет отношение к роковым событиям, некогда происходившим на нашей планете, — прищурился один глаз, он похлопал ладонью по потертой обложке книги, — лет этак тысячу назад.

— Ого, — кивнул Крымов. — И конечно, вы были ее свидетелем? Я не удивлюсь, если так. *Вы* же у нас путешественник по временам, Антон Антонович.

— Смеетесь, да? Поэтому оставляю ваш вопрос без ответа. Сами решайте. Но от этой истории зависят жизни людей в наше время. Так вот, — Долгополов взял книгу и неторопливо раскрыл ее на закладке, — правил когда-то на территории Малой Азии лидийский царь Саул. — Хитрый старичок устремил взгляд на текст. — Читаю: “Все было у великого царя Саула: могучее государство, перед кото-

рым трепетали враги и преклоняли колени соседи, дворцы и сады, тысячи прекрасных наложниц, несметные богатства и власть. Не было у царя Саула одного — вечной молодости. И знал он: все, что имеет, утекает как песок сквозь пальцы. И от того горькой становилась его жизнь. И новый день в объятиях юных красавиц, окруженный безропотными рабами, встречал он не с улыбкой на устах, но с печалью в сердце. В те годы великому царю было пятьдесят пять лет от роду. И если кому и завидовал Саул, так это тем смертным, кому не дано было понять скоротечность времени».

— Текст сочинял явно поэт, — усмехнулся Крымов.

— Несомненно, — согласился Долгополов. — Далее: «И вот однажды визирь великого царя ал Аюм, достойнейший из слуг своего господина, сказал Саулу: “Прости мне дерзость, о великий царь, но мне ведомы твои думы и твоя печаль. И я могу помочь тебе...” — “А не боишься ли ты лишиться головы за такие речи?” — грозно спросил у него Саул. — “Боюсь, о великий царь, — ответил визирь, — но еще больше я хочу, чтобы ты был счастлив!” — “Похвальная речь, — кивнул Саул. — Только ни одному смертному не дано повернуть время вспять”. — “Смертному — нет”, — согласился с царем верный слуга. Саул не сводил с визиря глаз. “Говори же”, — повелительно кивнул он. “Знал я одного волхва, о мой царь. Я был совсем еще молод, когда повстречал его в Сардах. Не знаю, чем я приглянулся ему, но он поведал мне великую тайну, о которой я редко вспоминал... А тайна эта такова, — помедлив, осторожно продолжал визирь. — В одной священной книге говорится о Звездной карте древних ариев. Их жрецы, испокон веку звавшиеся лукомонами, и до сих пор живут на земле, передавая свою мудрость из поколения в поколение. Они считают себя потомками богов Вселенной, пришедших

Звездная карта царя Саула

на землю из той части неба, где сверкает неповторимое созвездие Ориона с поясом из трех звезд. Эти звезды зовутся Альнитак, Альнилам и Минтака. Лукомоны хранят легенду, что эта карта — подарок богов, их предков, оставленный своим потомкам, как величайшая тайна на земле. Карта высечена на черном камне, что представляет собой овальный диск. Тот камень зовут Небесным. На карте существуют семь гнезд, которые соответствуют расположению семи планет созвездия Ориона. И есть на свете семь драгоценных камней, которые носят имена этих планет. Лукомоны утверждают, что эти камни рождены не на земле, но на небе, и принесены сюда их божественными предками. Камни на расстоянии *видят* друг друга и разгораются каждый своим неповторимым светом, но еще сильнее они чувствуют приближение Небесной карты из черного камня и горят золотым огнем — светом Вселенной! А еще на той карте отпечатано углубление в форме человеческой руки. Если соединить все камни, составив из них Звездную карту, и вложить в углубление руку, то волшебная сила самой Вселенной пронзит тебя и подарит великое могущество. Простой смертный станет молод, не отыщется на свете недуга, что возьмет того человека; стрела, пущенная прямо ему в сердце, пролетит мимо; дамасская сталь, точно сухая ветка, сломается от удара, едва коснувшись его тела. Враги падут замертво, едва подступятся к нему. Эта сила семи планет подарит счастливицу вечную жизнь...»

Долгополов решил перевести дух.

— Откуда вы извлекли эту историю? — нахмурился Крымов.

— Задела?

— Отчасти.

— Сейчас заденет сильнее. Выпьем?

— Несомненно, — кивнул детектив.

Они аккуратно чокнулись высокими гранеными стопариками и выпили душистый напиток домашнего производства.

— Продолжаю, — сказал Долгополов. — «Выслушав слугу, царь Саул смотрел в пространство, казалось, ослепшими глазами. “Вечную жизнь”, — тихо повторил он. “О да, повелитель! Но чудо может случиться лишь раз в тысячелетие, а следом камни необходимо вновь развести по миру — подальше друг от друга. Земная тысяча лет, утверждают лукомоны, вернет им вновь великую силу. Набрав ее, камни отдадут эту силу достойнейшему. И уже тысячу лет никто не собирал Звездную карту — так сказал мне волхв...” — “Эти лукомоны, как далеко они живут? Что ты знаешь о них? Расскажи мне, ал Аюм...” — “О них я знаю немного, мой государь. Когда-то они были могущественны и повелевали многими народами, в том числе и лидийцами...” — “На моей земле?” — поднял седеющие брови царь Саул. “Именно так, повелитель. Но позже их народы были поработаны персидским царем Киром, и жрецы-лукомоны бежали — они рассеялись по разным землям. Говорили, что многие из них нашли пристанище на земле римлян, там они стали жрецами этрусков. Лукомоны носили пурпурные плащи и высокие черные шапки, усыпанные золотыми звездами: так говорили они о своем божественном происхождении, о Звездном пути, по которому пришли их предки, о своей родине — Вселенной. Они внушали мудрецам величайшее почтение, а простым смертным — страх и трепет. Они никогда не сомневались в своей избранности, неся предание через столетия. Лукомоны сами рассеивали камни, подаренные им богами Вселенной, и собирали их в положенный срок. И только им была ведома эта тайна. И возможно, ведома сейчас.

Звездная карта царя Саула

Так сказал мне волхв, мой государь”. Печально улыбнулся великий Саул: “Это похоже на прекрасную сказку. Только где сыскать Золотую карту твоего мага и семь драгоценных камней? Вот вопрос...” — “Ты мудр, и твои слова верны, о великий царь. Камни рассеяны по свету, но один из них принадлежит тебе, если верить всему, что когда-то поведал мне волхв”. — “Мне?!” — горячо удивился Саул. “Этим камнем ты восхищаешься каждый раз, когда входишь в свою сокровищницу. Восхищаешься вот уже десять лет! Это красный алмаз “Саиф” — первый камень на короне поверженного тобой эмира Бекман-Бека. Именно о нем в том разговоре упомянул волхв. Этот камень назван в честь планеты Саиф, стоящей в основании созвездия Ориона. Но и это еще не все. Карта лукомонов, так поведал мне волхв, хранится в индийском храме бога Индры в Генгеше. Что до остальных шести камней, волхв сказал только одно: все они так хороши и дороги, что скрыть их от света невозможно так же, как невозможно спрятать на ночном небосклоне Пояс Ориона. И если сегодня тучи скрывают далекие планеты, то завтра небо очистится и они вновь предстанут взору всех живущих людей”. — “Ты позабавил меня этой историей, ал Аюм, — когда рассказ визиря был окончен, молвил царь. — А почему бы мне не проверить твои слова? Сопровождай меня”».

Антон Антонович потянулся за компотом из сухофруктов — промочить горло, а Крымов решительно кивнул:

— История занимательная — мне все интереснее.

— Я же говорил, — усмехнулся Долгополов. — Но я продолжаю: «И направились царь Саул и его спутник в сокровищницу. Стража и слуги стояли поодаль с факелами, когда Саул взял из сундука корону поверженного им эмира Бекман-Бека. Сверкнули в отвесах факельного пламени грани

алмаза величиной с куриное яйцо. “Так это и есть камень богов Вселенной? — глядя на свою добычу, прошептал царь. Точно великое прозрение рождалось в нем. — Огня мне! Слышите?! — даже голос его зазвучал иначе: — Больше огня!” Слуги поспешно обступили повелителя. И едва полыхнул внутри камня огонь, разлился и заиграл тысячью кровавых искр, дрогнуло сердце Саула. Точно отравленная игла пронзила его и осталась там навсегда. Царь грозно обернулся к визирю: “Ты неспроста встретил того волхва, ал Аюм. И неспроста он рассказал тебе о Звездной карте жрецов-лукомонов. Именно ты должен был передать то откровение мне, царю великих земель. А посему повелеваю: ты, мой слуга, и будешь тем человеком, которому я поручаю разогнать тучи, — глядя визирю в глаза, глухим голосом проговорил Саул. — Отыщи мне Звездную карту и оставшиеся шесть камней. Возьми лучших моих воинов: столько, сколько нужно! Отыщешь, награжу тебя так, как может наградить верного слугу самый щедрый из великих царей. А не найдешь — пожалеешь, что рассказал мне эту историю. Ужасно пожалеешь! Начинай поиск сегодня же. Сейчас же!..” И ничего не оставалось визирю, как поклониться царю Саулу и с этого часа уповать на свою удачу и везение и волю Всевышнего...»

Долгополов умолк, закрыл книгу на закладке и отложил в сторону.

— Ну что, Андрей Петрович, по второй?

— Пожалуй, — задумчиво произнес детектив.

— Двигайте стопку.

Крымов так и сделал. Хитро улыбаясь, старичок потянулся к графину с настойкой. Снял высокую крышку, вначале наполнил янтарной настойкой стопку гостя, затем свою.

— Будем?

Звездная карта царя Саула

— Будем, Антон Антонович.

Они вновь чокнулись и выпили.

— Теперь по полной задела история?

— Еще как, — охотно кивнул детектив. — Но почему задела так остро?

— Может быть, вы что-то вспомнили?

— Что именно?

— Понятия не имею. Я вас спрашиваю.

— Иголка...

— Что — иголка?

— Как там сказано про сердце царя Саула: «Точно отравленная игла пронзила его и осталась там навсегда». Верно?

— Все так, Андрей Петрович.

— Ну вот, крохотная заноза засела и в моем сердце, — с улыбкой задумчиво проговорил Крымов. — И теперь не дает мне спокойно дышать.

— Ну-у, так бывает, — вальяжно и беззаботно пожал плечами хозяин загородного домишка и тут же хитро глянул на детектива: — Перед тем, как откровение молнией пронзит вас! Подождем, Андрей Петрович, подождем, время есть. Я про откровение. И про молнию. Немного, но пока есть...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Экспресс отправляется в полночь

1

Двери краеведческого музея городка Суходолова издавали отвратительный скрип всякий раз, когда их тянули медленно и нерешительно. Мурашки по коже! Оттого работники музея смело рвали на себя или грозно отталкивали разошедшуюся створку черного входа, но те, кто осторожничал, испытывали смертельную муку от режущего слух и сердце звука. Именно поэтому директор музея Вениамин Вениаминович Малышев неприятно вздрогнул. Он сидел у открытого в летнюю ночь окна на втором этаже и услышал отдаленный всхлип запасного входа. Лампа ярко освещала разложенные на его столе документы. Кто же это мог быть? Кто явился к нему, полуночнику? Но повторный скрип отозвался эхом не сразу: точно змея медленно вползала в приоткрытую дверь. Малышев даже привстал из-за стола и, как мог, заглянул в окно. Только что там разглядишь? Тишайшая августовская ночь, ничего более! Но кто-то же явился?! Дверь, запертая несколько часов назад сторожем и опечатанная им, Малышевым, выдавала визитера с потрохами!

И не просто визитера, а чужака...

Малышев взглянул в узкое зеркальце в потрескавшейся рамочке на стене, почесал тощий подбородок, затем жид-

кий седой бачок и только потом массивный нос, похожий на переспевшую пятнистую грушу. Музей молчал, ни один звук более не говорил о незваном госте. И оттого Вениамину Малышеву стало особо жутковато. Грабитель? Сторож Никитич, майор в отставке, наверняка сидел сейчас в своей комнатухе у центрального входа и как пить дать смотрел телевизор.

Вениамин Вениаминович протянул руку к телефону, поставил его рядом, поднял трубку и длинным узловатым пальцем вдавил три цифры. Вот и долгожданный гудок...

— Алло? — хрипло спросили на том конце провода.

Телевизор создавал помехи.

— Фома Никитич...

— Да-да?

— Сделайте телевизор потише.

— Вениамин Вениаминыч, вы, что ли? — спросили там.

Сторож был двоюродным дядей замминистра культуры городка Суходолова, оттого бывшему военному прощались и легкая глухота, и чрезмерная сонливость, и много чего еще.

— Он самый, Фома Никитич, — Малышев деловито повысил голос. — У нас, кажется, ЧП.

Телевизор сразу стих, но не совсем.

— Что такое? — явно насторожился отставник.

— Вы, случайно, не выходили через служебный ход?

— С чего бы это?

— Я слышал, как скрипнула дверь черного входа.

Наступила недолгая пауза.

— А не показалось? Я ж ее сам запираю! А вы опечатали.

— Пойдите и проверьте, пожалуйста.

— Прямо сейчас, что ли?

— Нет, завтра, Фома Никитич! — раздраженно повысил голос директор.

— Есть, Вениамин Вениаминыч, — со снисходительной ленцией отрапортовали на другом конце провода.

— И позвоните мне сразу же.

— Так точно, товарищ начальник! — буркнул майор в отставке. — Какой там может быть скрип? — это уже он, и явно недовольно, обращался к самому себе. — Для этого замок открыть надо...

— Жду, — оборвал его директор музея.

И вот теперь Малышев ждал — уже двадцать три минуты. Вначале все с нарастающим беспокойством, то и дело тщательно перезванивая сторожу, затем с щемящим чувством близкой опасности. Последние минуты Вениамина Вениаминовича Малышева лихорадило. Это было уже не предчувствие, а ясное ощущение, что беда рядом. Он пытался позвонить в полицию, но телефон не работал. Было понятно — провод обрезан.

Тихонько цокали на стене часы.

Пожилой человек не заметил, как пот выступил на его желтом стариковском лбу, как одна из капель нечаянно сорвалась и, пробив седую бровь, потекла по щеке...

Вениамин Малышев наконец встал со стула, спохватившись, вырвал из кармана платок, утер им лицо. Он даже не заметил, как дрожат его руки. И только потом сделал шаг в сторону двери. Может, Никитич прошелся по музею и забыл про него? Может быть, связь разъединилась? Может, ветер, занесший сюда кого-то, если так и впрямь было, давно уже утащил незваного гостя обратно в ночь?..

Малышев тихонько приоткрыл дверь, просунул голову в проем и огляделся. Свет приглушенных ламп мягко разливался по коридору захолустного музея. Директор осторожно переступил порог и, на минуту затаившись, двинулся по коридору. В конце его отвел рукой портьеру и... вышел

в зал. Там золотились рамы; знакомые портреты, пейзажи и натюрморты, краски которых в полумраке помертвели, чередой сменяли друг друга. Когда он проходил мимо лестницы, хотел было крикнуть: «Фома Никитич!» — но сам того испугался. А вдруг выдаст себя? Если тот, кто тайком забрался в музей, все еще здесь, и он, Вениамин Малышев, столкнется с ним? Что тогда будет? И где бестолковый Фома Никитич? С ним что?..

В конце одного из коридоров он вдруг увидел промелькнувшую тень — от одних дверей к другим, — и замер, чувствуя, как льдом обожгло затылок и спину, а редкие волосы на голове встали торчком.

— Господи, — на вдохе прошептал он.

И тотчас подумал: «Почудилось! Конечно, почудилось. У страха-то глаза велики...»

Внутренний голос подсказывал: «Уходи из музея, Вениамин, уходи немедленно! Вдоль стеночки, тенью, но ускользай...» Он так и поступил — вышел на лестницу и двинулся на первый этаж. Дверь в небольшой зал, посвященный истории города Суходолова, была приоткрыта. Лунный свет лимонной дорожкой стелился по паркету. И что-то черное кляксой выползло на этот мутноватый свет. Но что? И тотчас Вениамин Вениаминович вспомнил, что ключи от входной двери лежат у него в столе — идти за ними он бы уже не посмел! Вторые были у Фомы Никитича, да где он? И тогда директор музея легонько толкнул вперед дверь и вошел в тишайший зал. А войдя и беззвучно прикрыв за собой дверь, почувствовал, как цепенеют все его члены. Стоило только проследить за черной кляксой — она тянулась влево. Там, недалеко от стены, у стеклянной витрины лежало в нелепой позе человеческое тело.

«Боже...» — прошептал Вениамин Вениаминович.